

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Глушановского
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

СЕРДЦЕ ВЬЮГИ
НАДЕЖДА ПУСТОШЕЙ
РОЖДЕНИЕ МАГИИ. ХРАНИТЕЛЬ МИРА
ТЕНЬ ОСНОВАТЕЛЯ

Цикл
«ПУТЬ ДЕМОНА»

ДОРОГА В МАГИ
ТРОПА ВОЛШЕБНИКА
СТЕЗЯ ЧАРОДЕЯ
ПУТЬ ДЕМОНА

В соавторстве со Светланой Уласевич
ЦЕНА ИМПЕРИИ

Алексей ГЛУШАНОВСКИЙ

**ТЕНЬ
ОСНОВАТЕЛЯ**

Роман

Москва, 2019

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г55

Серия основана в 2004 году
Выпуск 706

Художник
М. Поповский

Глушановский А. А.

Г55 Тень Основателя: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2992-9

Наследник Древнейшего рода. Родич императоров могущественнейшей Лаорийской империи. Паладин великой богини, с которого она не сводит своего благосклонного взгляда, никогда не отказывая в поддержке и помощи... Вот только род Сержак истреблен, а за мою голову платят ее вес в золоте. Империя давно рухнула, распавшись на множество независимых государств. И если кто-нибудь проведаст о моем родстве с императорами Лаоры, то цена за мою голову возрастет многократно. Вот с богиней все хорошо. Не считая сущей мелочи. Я не упомянул? Темная Леди, моя покровительница, — богиня Тьмы и Смерти и главный ужас всего светлого мира. Так что моя голова — заветный трофей для всех служителей светлых богов.

В общем, при таком количестве «доброжелателей» не потерять голову очень сложно. Но я постараюсь!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Глушановский А. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2992-9

ПРОЛОГ

Рыцарь — королю:

— Сир, я славно потрепал ваших врагов на западе!

— Но у меня никогда не было никаких врагов на западе!

— Теперь есть, сир.

Признаться, первые несколько секунд я был несколько... ошарашен. Ладно, ладно, скажу честно — чуть больше, чем несколько секунд. Впрочем, когда появившееся привидение начало разговор, я мигом успокоился и приступил к делу, ради которого и забрался в эти развалины. Если кто собрался убивать — болтать он не будет. А кто языком трепать начал — значит, с ним и договориться можно. Это у меня всегда хорошо получалось. Вот и сейчас, не обращая особого внимания на что-то там вещающего гостя, я приступил к делу.

А призрак... А что призрак? Стоило только спросить его, кто он такой и отчего умер, — судя по легендам, все привидения просто обожают болтать на эту тему, — как он немедленно разразился целой речью. Похоже, легенды иногда бывают правдивы. Слушая его вполуха и иногда поддакивая в особенно эмоциональных местах, я не терял времени даром. Летняя ночь так коротка...

Я умер быстро. Как потом говорили историки, я этого не заслуживал. По всеобщему мнению, я должен был умирать долго и мучительно, чтобы хоть в малой мере заплатить за содеянное мной. И все же я умер легко и быстро.

Холодный блеск кинжала в руке того, кому, как я думал, можно было полностью доверять, режущая боль в сердце — и все. Но только, как оказалось, там, куда все уходят, мне места не было. Когда я создавал свою империю, погибли слишком многие, и кровь тех, кто был убит безвинно, намертво закрыла передо мной врата небесного чертога.

Однако благословения множества людей, которых спасли установленные мной законы, не дав разориться, умереть голодной смертью, пасть под ножами разбойников или мечами солдат-завоевателей, не позволяли низвергнуть мою душу в бездну хаоса. Так я остался здесь, в созданной моим трудом империи, бессильным призраком, затерянным в бесконечных коридорах построенного по моему приказу и проекту Великого замка.

Так прошли годы и десятилетия. Мой убийца занял мое место, и придворные лизоблюды рукоплескали «низвержению тирана». Историки и летописцы, желая доставить удовольствие царствующему монарху, не жалели черной краски, описывая мои деяния, и лили мед и патоку в описания «всеобщего благоденствия» лет под его властью.

Впрочем, справедливости ради должен признать, что он и впрямь оказался довольно неплохим правителем. Умный и хитрый политик, в свое время сумевший обмануть даже меня, он был никудышным полководцем, но, зная об этом своем недостатке, даже не пытался расширить границы империи, удовлетворившись тем, что было захвачено мной.

Видя, как благословляет народ установленные мной законы, он переписал их своими словами, сохранив общий смысл, и назвал «новый» кодекс своим именем. Хороший экономист, он заботился о торговле и бросил созданные мной легионы на освоение диких северных земель — ведь воевать он не собирался.

Там, на севере, его инженеры нашли большие залежи золота и руд. Заложенные им прииски действуют до сих пор, принося немалые богатства их нынешним владельцам.

Население империи под его рукой стремительно богатело. Он отменил запреты, наложенные мной на потребление перегнанного вина и дурманящих снадобий, и отныне в любом кабаке славили его имя.

Так я окончательно превратился в людской памяти в жестокого и кровавого тирана-завоевателя, мое имя стало использоваться лишь для самых злобных, подсердечных проклятий, а потом и вовсе практически забылось, чему немало способствовали указы и пожелания моего убийцы. В памяти народа я так и остался лишь жуткой черной тенью, завоевателем с об-

наженным мечом, залившим кровью половину мира и вылепившим из этой кровавой каши прекрасное здание Лаорийской империи.

Знамя, мое знамя, никогда не склонявшееся перед врагом, было объявлено «символом кровавого становления империи», и атакующий дракон на алом стяге, избранный мной, был заменен золотым грифоном на белом фоне.

Знак воина был сменен символом купца, и лишь в старом тайнике, одном из многих, заложенных мной когда-то, я еще мог любоваться на великого дракона, ставшего знаком моих побед; дракона, вышитого на алом полотнище боевого знамени одного из погибших легионов.

Шли годы. Бессильным, не могущим повлиять ни на что призраком я бродил по бесконечным переходам дворца, мечтая о мести и изнывая от ее невозможности. Пожалуй, это было самым отвратительным — ощущать свое бессилие и беспомощность, мне, когда-то одним своим словом бросавшему в кровавую схватку многочисленные легионы и выходившему победителем из тренировочных схваток с любыми тремя ветеранами моего войска.

Но время шло, и мой убийца состарился. Он умер тихо, в своей постели, окруженный скорбящими родичами, плачущими детьми, внуками и правнуками, передав трон своему сыну. Я так и не узнал, куда ему было суждено попасть, открылись бы ему светлые небеса или же мрачные ворота бездны. В тот самый миг, когда душа его отделилась от тела, я упал на него — ведь теперь наше положение было равным!

Он всегда был слабее меня в бою, хотя нас и учили одни и те же преподаватели. Но у него не было той ярости боя, безумного наслаждения битвой, стремления к победе любой ценой, что всегда отличали меня, и потому он неизменно проигрывал все поединки со мной. Проиграл он и на этот раз.

Собственно, он даже почти не сопротивлялся, слабо отбиваясь и пытаясь выкрикивать какие-то оправдания, пока я рвал его эфирное тело в клочья, поглощая суть и силу его души. Но, ослепленный ненавистью и свершаемой мстью, я не прислушивался к его жалким оправданиям.

Признаться, я и сейчас не сожалею об этом. Какими бы вескими ни были причины, оправдать подлое убийство того,

кто доверял тебе полностью, нельзя ничем. Несомненно, то, что я делал, было грехом куда тяжелее всех свершенных мной при жизни. Я лишил посмертия душу моего врага, присваивая себе то право, которое издревле принадлежало одним лишь богам. Но... он получил по заслугам... и хватит об этом.

Остальных его потомков, правителей и нет, злодеев и милостивых, благородных и подлецов, развратников и морализаторов, я не трогал, позволяя отправляться после смерти туда, куда им и было положено по их заслугам.

Время шло. Созданная мной империя вступила в эпоху умирания. Все проходит, в свой срок рухнула и она. Несколько окраинных герцогов, объединившись, сочли себя достаточно сильными, чтобы бросить вызов отдаленному потомку моего убийцы, слабому, безвольному созданию, по прихоти богов взошедшему на обсидиановый трон.

Такова моя история, потомок. И если ты вздумаешь высказать хоть что-то из того, что вертится сейчас на твоём языке, клянусь черным драконом, я вырву твоё сердце!

Глава 1

ПЛЕБЕИ ВОЛЬНОГО ГОРОДА

— Вася, ты вообще о чем-нибудь еще думаешь, кроме еды и секса?!

— Точно, пиво забыл купить!

— Угу...

— Ага...

— Ого...

— Конечно...

Автоматически поддакивая, я ускоренно жевал. Мало ли. Как бы там ни было и какую бы пакость ни уготовила мне в очередной раз судьба, а эту курочку я съем! Сам украл, сам зажарил... вот пусть хоть все демоны ада разом набросятся — все равно проглотить успею! Слишком редко мне удавалось украсть такую дорогую добычу — уж что-что, а свою живность хозяева берегли на совесть. Это не ворон из пращи бить...

Сказать по правде, вкус у ворон премерзкий. А вот курочка — совсем другое дело! Э-э-эх...

Эти развалины я присмотрел уже давно. Находились они совсем недалеко от города, и слухи о них ходили самые неприятные — так что даже наиболее отчаянные банды не рисковали посещать бывший императорский замок. В общем, они были просто идеальным укрытием: как хорошо, что у столь многих идиотов суеверия преобладают над разумом!

Правда, когда я зарезал и зажарил честно стыренную курочку на какой-то будто специально для этого предназначенной каменной плите в середине почти уцелевшего зала, передо мной немедленно материализовалась и причина полной заброшенности столь привлекательных руин.

Оказывается, глупые суеверия не всегда глупы! Это было весьма неприятным открытием.

Появившийся полупрозрачный тип в старинных доспехах и с пылающими красным огнем глазами едва не заставил меня срочно поменять свои планы, заменив роскошный пир из двух участников (я и жареная курица!) на другое, куда менее приятное времяпровождение (спешное бегство сломя голову, ночью, на голодный желудок и с испачканными штанами).

Пожалуй, я бы и впрямь сбежал... если бы не одно «НО». Чертов призрак возник как раз между мной и моим сегодняшним ужином (а также завтраком, обедом и полдником; и не только за этот день). В общем, бросить свою добычу я просто не мог. Мой желудок однозначно не простил бы мне подобного святотатства.

Пришлось прибегнуть к дипломатии, что принесло неожиданный успех. Этот тип, похоже, изрядно соскучился по возможности поболтать и разливался соловьем. Все, что от меня требовалось, — это поддерживать его энтузиазм редкими междометиями и восхищенными возгласами, которые я издавал в промежутках между жевательно-глотательной деятельностью.

Однако после моего последнего слова в зале воцарилась какая-то нехорошая тишина. Обычно, если подобная тишина возникала в каком-нибудь трактире, она имела вполне однозначный смысл. Кого-то будут бить. Возможно, даже ногами. А поскольку в данный момент в этих руинах не было никого, кроме меня и призрака, выбор кандидатур для битья был вполне однозначен. Призрака-то бить бесполезно!

Спешно дожевывая вторую ножку, я поднял глаза на грозно нависшего надо мною призрака.

— Фе фыфыфось?

— Что-что?.. — с какой-то нехорошей мягкостью в голосе переспросил тип, продолжая сверлить меня взглядом самым пренеприятным образом.

Торопливо сглотнув и попятившись — несмотря на свою полупрозрачность, а может быть, именно благодаря ей, тип выглядел *очень* опасным, — я повторил свой вопрос:

— Что случилось-то?

— О, ничего особенного, потомок.

Приторная ласковость голоса призрака мне крайне не понравилась, будя какие-то нехорошие предчувствия. И следую-

щая же фраза моего собеседника полностью эти предчувствия оправдала:

— Ты только что добровольно и без какого-либо принуждения согласился с моим предложением вырвать тебе сердце!

— Ой... — Я попытался отшатнуться, машинально закрываясь крепко зажатой в руке полуобглоданной куриной ногой, однако из этого маневра ничего не вышло. Стена зала как-то очень коварно оказалась прямо за моей спиной, так что вместо шага назад я просто крепко стукнулся затылком об эту самую стену повышенной вредности. Как результат столкновения — моя рука, которой я пытался прикрыться, дернулась, и куриное бедрышко оказалось у меня во рту. А там уж сработали рефлексы...

Глядя на безмятежно жующего оборванца, Динган, помимо собственной воли, испытывал искреннее восхищение перед наглостью потомка. Нет, ну это же надо! В Ночь Свершений забраться в развалины его дворца, которые нынче совершенно заслуженно именуется проклятыми, принести Жертву Крови и Огня, после чего, внаглую игнорируя пришедшего на зов, просто-напросто взять и сожрать жертвенную курицу!

И ладно сожрать! Когда он, Дракон, раздраженный столь демонстративным игнорированием собственной персоны, пригрозил вырвать ему сердце, этот нахал просто-напросто отошел на шаг в сторону, прислонился к стене и как ни в чем не бывало продолжил жевать!

Данное обстоятельство одновременно до невозможности злило императора (как! — его, самого Лаорийского Дракона, посмел игнорировать какой-то малолетний невоспитанный наглец!) и в то же время наполняло гордостью (несмотря на все прошедшие века, его кровь не выдохлась и не ослабла!). Стоящий перед ним юноша, едва ли четырнадцати лет от роду, худой до последней стадии и одетый в отрепья, которыми во времена правления Дракона побрезговал бы и последний нищий, не только не боялся его вида, нагонявшего ужас на куда более могучих и опасных людей, но не испугался даже прямой угрозы! Это заслуживало уважения.

Так что сейчас он пребывал в тягостном раздумье. Столь наглое поведение потомка заслуживало самого сурового нака-

зания. Вырывать ему сердце он, конечно, не будет — потомок все же, родная кровь... да и молод больно, детство играет. Но наказать надо однозначно!

С другой стороны, подобная отвага была древнему воителю весьма и весьма приятна. А значит, заслуживала награды. И как тут быть? Наказывать или награждать?

Надо сказать, это очень неприятная ситуация — стоять перед недовольным призраком, собирающимся вырвать вам сердце, когда за вашей спиной — стена (читай — удрать не получится) и даже рот наполнен плохо прожаренной курятиной, что весьма затрудняет попытку объяснить привидению всю ошибочность его намерений.

В том, что он и впрямь способен осуществить свои угрозы, я ничуть не сомневался. Несмотря на то что мое обучение было прервано по независящим от меня обстоятельствам, историю возникновения Лаорийской империи я изучить успел. И если этот призрак не врал, а, судя по легендам, привидения могут недоговаривать, но не лгать напрямую, он и был тот самый Динган Лаора. Первый император, прозванный Кровавым Драконом.

Человек, слава о силе и жестокости которого пережила века и созданную им империю. О нем ходили самые разные слухи, легенды и истории. Одни его прославляли, другие поливали грязью, некоторые даже высмеивали. Но все они сходились в одном: если Лаорийский Дракон обещал кого-то казнить — повесить, отрубить голову, сжечь на костре или... вырвать сердце — свое обещание он выполнял самым неукоснительным образом.

Надо сказать, такая скрупулезность моего собеседника в этом вопросе меня совершенно не радовала. Однако времени на долгие рассуждения не было. Если я в самое ближайшее время не предприму каких-либо действий, он ведь и впрямь мне сердце вырвет... А оно мне, признаться, еще пригодится. Я ж не нечисть какая, мне без сердца выжить не получится.

Краткое раздумье принесло единственное решение, которое давало хоть какой-то шанс.

Быстро проглотив остаток курицы, я отбросил кость в сторону и, подняв руки вверх, максимально жалобным тоном произнес волшебную фразу:

— Не надо. Я сдаюсь. — После чего, припомнив один из старых законов Лаорийской империи, быстро добавил: — Сдаюсь на милость и пощаду Дракона без сопротивления и промедления, немедленно по предъявлении ультиматума.

Все-таки хорошо иметь классическое образование, пусть даже и не завершенное должным образом... Ну кто бы мог подумать, что когда-либо в жизни мне может понадобиться знание давным-давно отмененных, устаревших более полутысячелетия назад законов, которые зачем-то вдалбливала в меня матушка вкупе с преподавателями.

Однако вот... пригодилось. И, вполне вероятно, спасло мне жизнь, а заодно позволило полюбоваться воистину уникальным зрелищем. Кто еще из ныне живущих мог бы похвастаться тем, что видел самого Лаорийского Дракона изумленным до отвисания челюсти и округления красных, словно налитых кровью глаз?

Не думаю, что даже при жизни Динган часто баловал своих подданных таким зрелищем. А уж сейчас...

Правда, закон «О пощаде сдающимся», который я вспомнил, в основном касался стран и городов, которые захватывал или планировал захватить Дракон, однако же нигде в нем не было сказано, что им не может воспользоваться и просто человек.

А раз не запрещено, значит, разрешено! К тому же большинство легенд сходило на том, что установленные им законы Лаорийский Дракон старался соблюдать. Правило «Что позволено вельможе, то смерть для простолюдина» было введено только Третьим императором, почти через сто лет после смерти Дракона.

Поганец. Хитрый, наглый и очень неглупый поганец! Но раз даже этот ребенок, по виду которого никак нельзя предполагать наличие высокого образования, знает мои законы — значит, помнят!!! Помнят, несмотря на прошедшее время и все усилия моего брата! Значит, все было не напрасно!

Ишь как настороженно зыркает. Похоже, все же боится. Напрасно, конечно. Я бы его и так убивать не стал, а уж после такого... Знал бы он, как меня порадовал своим заявлением, — мигом бы успокоился. Ага, и небось вновь за курицу бы взялся...

Нет уж, знаю я свою породу. Сам таким был. Пусть лучше пока понервничает. А я пока обдумую достойную награду. Хотя... что тут думать. Явно мой потомок. Причем по прямой линии, уж слишком хорошо я чувю в нем свою кровь. Наглый до невозможности — вылитый я в детстве...

И награда, и наказание заодно... Да и мне на ближайшие лет пятьдесят—семьдесят неплохое развлечение будет... А может, и больше, ежели он от меня не только наглость унаследовал...

Впрочем, дам, пожалуй, ему шанс отказаться. Судя по всему, вызвал он меня случайно, и если ему ничего, кроме жареной курицы, не надо, то пусть себе идет с миром. Такие вещи насильно не вручают. Но вот если его желания одной едой не ограничены... если он согласится... Это может быть и впрямь интересно!

— А-ха-ха-ха!

Ошарашенность призрака наконец сменилась долгим и искренним смехом, и я облегченно перевел дух. Это был не угрожающий злорадный хохот, которого подсознательно ожидаешь от человека, прославившегося как самый кровавый тиран всех времен и народов, и не зловещее хихиканье замыслившего пакость подлеца, нет. Это было веселое, искреннее ржание, качеству которого могла бы позавидовать любая лошадь. Тот, кто намеревается тебя убить, так смеяться не будет. Разве что подшутить, но уж шутку я как-нибудь переживу... надеюсь...

— Назови себя, потомок, — закончив смеяться, потребовал Дракон. — Мне любопытно, каким городом или страной ты являешься, раз решил сдаться с такой формулировкой.

А вот это было больно. Вряд ли моего собеседника устроит то имя, под которым я был известен в городе. А прежнее имя... право на него я утратил, шагая по подземному ходу, в то время как над моей головой пылал родовой замок. И пусть я был слишком мал, чтобы оказать полноценное сопротивление за-

хватчиком, пусть выполнял прямой приказ отца... до тех пор, пока кровь родных, погибших тогда, остается неотмщенной, прав на это имя у меня нет.

— Имя! — прекратив смеяться, грозно потребовал Дракон, которому, похоже, пришлось не по душе мое молчание.

— Неженка. — Имя, точнее, прозвище, некогда полученное от главаря крупнейшей банды Нижнего города, мне не нравилось. Нынче и эта банда, и ее глава мертвы, а имя осталось. В основном потому, что другого у меня сейчас не было. И наверное, не будет больше никогда. Мелкий бродяжка и великий герцог — слишком несопоставимые величины, так что свои шансы на возвращение родовых владений я оцениваю вполне трезво. Что, впрочем, не мешает мне подлить этой жирной сволочи, великому герцогу, яду в кубок, как только я придумаю хоть один более-менее реальный способ подобраться к нему.

Призрак морщится.

— Мне не нужно твое прозвище. Тем более что уж на неженку ты никак не похож. — Он с ясно видимым сомнением осматривает меня с ног до головы. — Назови свое истинное имя и род, из которого ты приходишь. — Голос Дракона звякнул металлом, буквально вышвыривая из головы любые мысли о возможности неповиновения.

Я ответил мгновенно, даже не задумываясь о том, что говорю. Вбитые в детстве рефлексy взяли верх — когда спрашивает император, должно отвечать! Вытянувшись вверх, голова чуть склоняется, как когда-то учил Петерьян, — мир твоему праху, наставник, — и вновь распрямляется, описывая идеальную дугу малого придворного поклона. Голые пятки сами собой притоптывают по грязному полу в пародии на щелчок несуществующими каблуками, и я слышу свой собственный голос, говорящий давно запретные слова:

— Альдер де Сержак, наследник рода. Приветствую вас, повелитель!

Затем меня отпускает... но уже поздно. И все, что я могу, лишь добавить жалкое оправдание:

— Это прежнее имя, право на которое я утратил. Сейчас меня зовут «Неженка из предместья». Хотя куда чаще просто:

«Эй, ты, дуй сюда!» или «Вали отсюда, белобрый!» — добавил я тихим голосом.

Впрочем, похоже, призрак меня уже не слышал. Он что-то бормотал, видимо всецело погруженный в свои воспоминания. Прислушавшись, я смог различить что-то вроде: «Сержак... Ну, Дора, ну, стерва! И ведь ни словом, ни вздохом, ни намеком... И почему не сказала? А может, и к лучшему... Всех остальных, известных, братец-то того... А тут даже я не знал... Ну и хитрая же ведьма!!! Как будто предвидела. А может, и впрямь... всякие про нее слухи ходили. Могла бы и предупредить. Стерва!» — причем последнее слово было произнесено настолько мечтательно-восхищенным тоном, что никаких сомнений в отношении Первого императора к одной из древних представительниц нашего рода не оставалось.

Наконец отвлекшись от приятных воспоминаний, призрак обратил свое внимание на меня.

Некоторое время он просто пристально всматривался в мое лицо, словно пытаясь высмотреть нечто тайное, разобрать какие-то одному ему понятные знаки и символы. Хотя что он мог увидеть? Последний раз на свое отражение я смотрел сегодня утром. Грубая глиняная чашка, которую я спер у храмового сборщика пожертвований, не пережила короткой встречи с моей ногой, так что жажду пришлось утолять прямо из кадушки для сбора дождевой воды.

Отражение там, конечно, не очень, не сравнить с нормальным зеркалом, но кое-что разглядеть все же возможно. Для оценки этого вполне достаточно. Так что я абсолютно уверен: нет там ничего достойного столь пристального внимания. Рожа как рожа. Чуть более тонкие, чем у большинства других мальчишек Нижнего города, черты лица, скрываемые ввешейся пылью, успешно противостоящей редким попыткам мытья. Спутанные светлые волосы до плеч. Голубые глаза. Ничего особого... В Нижнем подобных мне бродяжек — одиннадцать на десяток будет. Но что-то Дракон, похоже, все же высмотрел, поскольку после долгого разглядывания сделал мне самое необычное предложение, которое я только получал за свою жизнь.

— Чего бы ты хотел? — Видимо, заметив мой взгляд, брошенный на бранные останки курицы, Первый император чуть

заметно покачал головой: — Только не вздумай сказать, что хотел бы еще одну курицу. Это будет большой глупостью с твоей стороны!

— Почему? — не удержался я от вопроса. Интересно, он и мысли, что ли, читать может или просто так догадался?

— Во-первых, потому, что такой шанс выпадает нечасто и не стоит его тратить на такую мелочь, — холодно ответил призрак, а затем чуть усмехнулся и добавил: — Ну а во-вторых, у меня нет курицы! Прежде чем ответить, подумай, потомок. Как следует подумай! Предупреждаю, я могу дать тебе многое, очень многое, но и цену возьму соответствующую. Сейчас ты еще можешь сказать, что не нуждаешься в моих дарах, и просто уйти. Не бойся, я отпущу тебя. Но не будешь ли ты всю свою оставшуюся никчемную жизнь жалеть о том, от чего отказался? — Сейчас его голос был строг и серьезен.

Стоило только мне раскрыть рот, как призрак вновь перебил меня:

— Я сказал *подумай!* Но не только о том, что ты теряешь, отказавшись, но и о том, что потеряешь, назвав мне свое желание. Попросив какую-нибудь мелочь, вроде богатства, не будешь ли ты жалеть всю жизнь о том, что отдашь мне за презренное золото? Думай хорошо, потомок!

Собственно, я и думал. Судя по всему, мой предок, если, конечно, верить его утверждениям, был и впрямь настроен весьма серьезно. И похоже, даже в таком полупрозрачном состоянии мог немало. А значит, это был шанс! Призрачный, как и тот, кто его предлагал... Но даже призрачный шанс — это куда лучше, чем полная безнадежность. А значит, просить курицу или там деньги на ее покупку было бы действительно очень глупо.

Вообще-то у меня было одно желание, плата за исполнение которого не имела ровным счетом никакого значения. Желание совершенно невозможное — не с моими силами тягаться с великим герцогом, — но если бы кто-то еще десять минут назад спросил меня о существовании привидений, я бы твердо ответил, что их не существует. Так, может быть, несуществующий призрак и впрямь может исполнить мое невозможное желание?

— Итак, чего ты хочешь? — поторопил меня Дракон.

— Я хочу вернуть себе свое прежнее имя или хотя бы получить возможность это сделать! — твердым голосом ответил я на вопрос привидения.

Громкий и, надо признать, на этот раз весьма зловещий хохот Первого императора был мне ответом.

— Вот за это вас и боялись, — отсмеявшись, сказал призрак. — Истинный Сержак. Оборвыш оборвышем, но блюдет обычай, древний и почти забытый даже в мое время. И мечта у него — не золота побольше и еды понежнее, а вырезать весь род обидчиков до последнего ребенка да вернуть старые владения, еще и небось с изрядным куском в придачу. «Не забывать и не прощать» — подозреваю, что у таких консерваторов и девиз, наверное, до сих пор не изменился?

Я кивнул, соглашаясь с его словами. Зачем скрывать то, что известно всем? В том числе и князю. Собственно, древний обычай «утери имени», помимо ритуального, имел и вполне житейский смысл. За голову последнего из нашего рода великий герцог Атари готов был выплатить ее вес в золоте. Если бы мое старое имя только прозвучало в местах моего нынешнего обитания, то я, без сомнения, быстро бы утратил эту столь дорогостоящую часть своего тела. Что было бы для меня весьма печально. Чем бы я тогда кушал?

Внезапно прекратив смех, призрак уставился на меня тяжелым взглядом красных глаз.

— Ты выбрал, — веско промолвил он, а затем коротко приказал: — На колени!

Ни запротестовать, ни хоть как-то возразить я попросту не успел. Ноги подогнулись сами, и, больно ударившись коленками о грязный пол, я замер перед Драконом. Первый император, и будучи призраком, оставался повелителем, и противостоять его приказам у меня просто не получалось!

Глядя на взмывающий надо мной призрачный меч, я тоскливо думал о недоеденной курице и о том, что, описывая исключительную правдивость Дракона в плане казней, историки все же кое в чем ошибались. Как оказалось, не так уж он в этом деле и скрупулезен. Обещал-то вырвать мне сердце, а не отрубать голову!

Вы знаете, что такое счастье — чистое, беспримесное и абсолютное? Я теперь знаю. Счастье — это когда занесенный над

твоей головой меч мягко опускается на плечо, а вместо мягкого голоса Темной Леди, приветствующей вас в своих владениях, ты слышишь торжественное: «Встань, паладин империи. Пусть это будет последний раз, когда ты стоял на коленях», — произнесенное торжественным голосом императора.

Паладин. Он сделал меня паладином!!! Вот же ...! И даже —!!! Уж лучше бы я попросил курицу!

Встав с колен, я первым делом проверил свои штаны. Как ни странно, там было сухо и не имелось ничего лишнего. Затем я помолчал. Потом помолчал еще. И еще.

Нет, мне, конечно, очень хотелось искренне и образно поблагодарить Первого императора за его действия, но если, выбирая между паладинством и жареной курицей, я однозначно предпочел бы курицу, то выбор между возможностью высказать свое мнение и вырванным сердцем был отнюдь не так прост. В смысле — высказаться хотелось, и даже очень. Но жить хотелось больше. Так что я молчал.

— Ну и чем ты сейчас недоволен?

Гримаса на лице потомка была столь выразительна, что по ней можно было легко разобрать все те непечатные выражения, что он мысленно посылал в мой адрес. Умен, ничего не скажешь. Впрочем, сейчас он вряд ли может представить все размеры подложенной ему мною свиньи. Пока что он может различить разве что небольшой кусочек соевых окороков, высовывающихся из гигантской грязной лужи политики. Интересно, что же будет, когда он полностью осознает, во что я его втравил?

Впрочем, это осознание придет еще не скоро. А пока — надо подсластить пилюлю.

— Я дал тебе тот самый шанс, о котором ты и просил!

— Да? — Яда в голосе парня вполне хватило бы на то, чтобы отравить половину Великой степи. — Значит, лишение возможности солгать даже в мелочах, воровать — даже на пропитание, обязанность помогать каждому, кто только обратится ко мне с просьбой о помощи, — это, по-твоему, благо? Особенно учитывая мое нынешнее положение... — Он выразительным жестом одернул свою затрепанную до последней степени хламиду. — Хорош же я буду — паладин в отрепьях! Да я так с

голоду помру. Причем в самое ближайшее время! Это, потвоему, шанс? — От возмущения он даже позабыл о страхе.

— Продление срока жизни более чем в три раза, увеличение физических сил, ускорение заживления ран и абсолютное здоровье, значительное усиление колдовских способностей, — в том же тоне ответил ему я. — Да, это шанс! Вполне стоящий небольших ограничений, отнюдь не столь тяжелых, как ты думаешь. Теперь ты сможешь вернуть себе имя, даже не предпринимая никаких действий, — к тому времени, как внуки твоего обидчика умрут от старости, ты все еще будешь полон сил и жизни! — О том, что упомянутые подростком общеизвестные ограничения — и впрямь отнюдь не строгие и допускающие возможность обхода в случае острой нужды — были отнюдь не единственными и далеко не главными *условиями* имперских паладинов, я решил пока не говорить. К чему лишний раз расстраивать человека? Впрочем, кажется, он пропустил мою речь мимо ушей, обратив внимание лишь на один небольшой момент.

— Колдовские способности?.. Ты сказал — увеличение колдовских способностей?

— Ну да, в том числе и их, — признаться, его интерес к этим моим словам, учитывая то, из какого рода он происходит, показался мне несколько странным.

— Но колдовства не существует! Это все бабкины сказки!

Признаться, я был ошарашен. Причем ошарашен куда сильнее, чем даже в тот момент, когда передо мной материализовался Его Сволочное Величество. Сейчас я великолепно понимал Второго императора, когда-то самолично прирезавшего моего так называемого предка. Представляю, как он в тот момент был счастлив! Увы, мне подобное удовольствие никак не светило. Хотя и хотелось. Очень!!! А чем, как не изощренным издевательством, могло быть заявление Дракона о том, что мое нынешнее паладинство, оказывается, способно усиливать некие несуществующие колдовские способности? Что, собственно, и подтвердил громкий смех, раздавшийся после моих слов.

Я человек спокойный и выдержанный. Сила воли и терпение у меня воистину железные. Будь это не так, я бы давно ле-

жал на фамильном кладбище и кормил собой могильных червей, не заставляя великого герцога Атари нервничать по поводу беглого наследника рода Сержак. Но у всякого терпения есть свои пределы. Император он или не император, но в морду я ему дать все же попытался.

Результат попытки был неутешителен. Новый приступ смеха у Дракона и расшибленная коленка, которой я здорово стукнулся о каменный пол, провалившись в момент удара сквозь тело этой призрачной сволочи.

— Извини... — сквозь смех пробормотал Дракон, явно изо всех сил сдерживая безумное ржание. — Я просто не могу... Нет, ну это же надо... последний из Сержаков рвется набить мне физиономию, пытаюсь доказать, что колдовства не существует... Скажи мне, если магии нет, то кто или что я такое? — Призрак демонстративно проплыл туда-сюда сквозь стену.

— Гад и сволочь особо крупного масштаба, — ни на миг не задержался я с ответом на поставленный вопрос.

Немного задумавшись, Дракон согласно кивнул:

— И это тоже. Но я имел в виду немного другие свои нынешние качества. — Он вновь проплыл сквозь стену. — Впрочем, не важно. Скажу лишь, что, похоже, в самое ближайшее время тебя ждет множество интереснейших открытий... ученик!

У меня воистину железные нервы. Когда Дракон произнес последнее слово, определившее мой статус, я не стал впадать в истерику, не предпринял попытку самоубийства и даже не попытался вновь броситься на него с кулаками. Я всего лишь тихо-мирно упал в обморок. И пожалуй, это было самым лучшим, что я только мог сделать в сложившейся ситуации.

Глядя на лежащего перед ним подростка, призрак задумчиво почесал затылок, сдвинув надетый на нем боевой шлем практически до самых глаз. Чего-чего, а уж такой реакции от своего потомка он никак не ожидал.

— Что ж, — промолвил он, закончив свои размышления, — материал, конечно, так себе... но будем работать с тем, что есть. — С этими словами он сделал шаг вперед и попытался прикоснуться ладонью к груди юноши.

Короткий серебристый вихрь на мгновение возник точно над сердцем лежащей на грязном полу фигуры, и в следующее мгновение призрак исчез, словно затянутый внутрь тела какой-то необоримой силой. И лишь эхо, бродящее по залам давно опустевшего замка, долго носило отзвуки прозвучавшего из уст того, кого когда-то звали Лаорийским Драконом, грязного ругательства.

Интересно, чем этот фермер кормит своих куриц? Чистым хашшем, что ли? По крайней мере, нечто подобное со мной было только однажды, когда один из местных бандитов, отмечая удачный грабеж, забавы ради влил мне в глотку почти стакан настоящей на хашше браги.

Впрочем, не похоже... По крайней мере, на райских птиц, которые мне тогда мерещились, Лаорийский Дракон совершенно не тянет. С другой стороны, и самочувствие, как ни странно, вполне приличное... Помнится, после того стакана я три дня оклемывался, чуть с голодухи не помер и все кусты возле своей хибарки загадил. Если бы не Талька, которая мне еду приносила, вряд ли бы выжил... А сейчас — жив, здоров, и даже ушибленная в видении нога совершенно не болит.

Я внимательно осмотрел левую ногу, колено которой здорово расшиб в своей галлюцинации во время нападения на призрак Первого императора. Отсутствие не только серьезной ссадины, но даже синяка полностью подтверждало мою теорию о странном сне.

— А может, здесь по ночам какие-то испарения нехорошие поднимаются? — сказал я вслух, просто для того, чтобы услышать звук своего голоса. Тишина полуразрушенного замка внезапно начала действовать мне на нервы. — Недаром же его забросили. И до сих пор люди не живут...

«...нимаются... имаются... маются... Бросили... осили... или... не даром... не живут...» — подхваченные гулким эхом слова как-то очень уж странно вернулись ко мне, заставляя немедленно заткнуться. Оно, конечно, ни колдовства, ни призраков не существует... но задерживаться в этом странном месте мне что-то совершенно не хотелось. Недаром сюда люди не ходят... И я тоже больше ходить не буду! Даже если еще одну курицу украсть удастся! В конце концов, что я, себе другого ук-

ромного места не найду? И, не тратя лишнего времени, поспешил покинуть столь неудобное место.

Выйдя во двор, освещаемый лучами только взошедшего над горизонтом солнца, я облегченно вздохнул, пеняя себе на излишнюю мнительность и поспешность. Старые сандалии, слетевшие с ног в ходе моего несколько торопливого выхода из замка, заменить мне было решительно нечем, а значит, сейчас придется возвращаться назад и искать их по всему маршруту. Бросив короткий взгляд на поднимающееся над горизонтом солнце, лучи которого легко разгоняли все ночные страхи, я развернулся к темному пролому, из которого только что выбежал. Надо было спешить.

Лаора. Лаора великая, Лаора блистательная, Лаора великолепная... Так она звалась когда-то. Достоянная и прекрасная столица великой империи. Но годы расцвета прошли давно.

Все так же рвались ввысь шпили дворцов и башен, все так же нависала над приближающимся путником невероятной высоты стена, сложенная из неподъемных каменных блоков, и сверкали купола храмов, служа маяком для подходящих к городу кораблей. Вот только подойдя поближе, можно было заметить и огромные трещины, пересекающие некогда нерушимую стену, потускневшую и облупившуюся облицовку дворцов, облезшую позолоту на куполах. С гибелью империи зачахла и Лаора. Уже не столица, а вольный торговый город под управлением сената. Вольный — ибо никто из множества самопровозглашенных князей, герцогов и королей, взявших власть над расчлененным телом империи, так и не рискнул объявить себя владыкой Лаоры. Ибо владыкой Лаоры может быть император, и только он. Император Лаорийской империи. И тот из правителей, что осмелился бы взять власть над практически беззащитным городом, немедленно был бы атакован союзом всех остальных владык, отнюдь не заинтересованных в восстановлении империи.

Так и жила Лаора, постепенно беднеющая и вымирающая, гордящаяся тенью былого величия и упорно не замечающая нынешнюю нищету. Город прошлого, город, в котором тень былого имела большую власть, чем нынешние владыки, город смерти и воспоминаний. И золотой императорский грифон,

развевающийся над ратушей, выглядел злой насмешкой в городе, находящемся под управлением сената...

Выплеснутое из окна какого-то полуразвалившегося особняка ведро с помоями, расплескавшимися перед самым моим носом, весьма эффективно и вовремя оторвало меня от философских рассуждений о судьбах города. Впрочем — поскольку, занятый своими мыслями, я едва не проворонил идущего по улице громилу по кличке Клык, попасться на глаза которому не имел ровным счетом никакого желания. Та еще сволочь. Так что, подавив острое желание как следует обматерить хозяйку, приложившую максимум стараний, чтобы на мою одежду попало как можно больше вонючей жидкости, я нырнул в ближайшую подворотню.

Увы. Незамеченным мне остаться не удалось. Обрадованно взревев, Клык немедленно попер в мою сторону.

— Неженка! Какого ... ты где-то шляешься, ... белобрысый? Хватай свои причиндалы в горсть и дуй к Рвачу — сегодня ночью Трехпалый напоролся! Рвач уже весь на дерьмо изошел: если ты Трехпалого не вытащишь, он тебя следом в Бездну направит! Я тебя с ночи разыскиваю, ты ...!!!

Мощная затрещина отправила меня в недолгий полет, прерванный бурной встречей со стеной близлежащего дома. Стена выдержала. Моя голова, как ни странно, тоже. Фактически удар даже не вышиб меня из сознания. Ослаб Клык, ослаб... Стареет, похоже... явно ведь бил, не сдерживаясь, вон какой злющий, а я даже сознания не потерял... Впрочем, демонстрировать свою стойкость я отнюдь не собирался, картинно сползая вниз по стене, оставив на ней кровавый след из разбитой головы. Шершавый старый кирпич, если к нему плотно прижаться, отлично сдирает кожу, а хорошая пакость этой скотине, раздающей удары вместо приветствия, стоила небольшой ссадины.

Интересно, что предпримет Рвач, когда Клык вместо единственного целителя банды принесет ему мою бессознательную тушку?

Да, да, да... именно целителя. А что поделать? Жить-то хочется! А для воровства у меня руки не тем концом вставлены. Спереть курицу у зазевавшегося фермера — вот мой предел. А что посерьезней — увы... Благо в образовании, которое я по-

лучил еще будучи де Сержаком, немалое внимание отводилось основам целительства, а также составлению лекарств, ядов и противоядий. Хотя обучение и не было завершено, полученных мной знаний оказалось достаточно для того, чтоб помочь мне выжить, оказавшись на улицах незнакомого города.

Тот объем знаний по лекарскому делу, алхимии и травничеству, который моя мать считала абсолютно обязательным к изучению, здесь, в предместьях Лаоры, был великой и сакральной тайной. Людей, способных составить настой для снятия лихорадки, излечения от головной боли или поноса, могущих зашить рану или вправить вывих, в трущобах было очень немного. Собственно, только я да бабка Клета. Но Клета — старуха лихая, бандитов недолюбливала, да и надавить на нее у Рвача возможности не было. Клан Либров, контролировавший почти четверть идущей через предместья контрабанды спиртного, славился своей резкостью и на попытку надавить на мать одного из своих патриархов отреагировал бы весьма быстро и жестко.

Рвач, при всем своем сволочизме, совсем дураком не был и расклад сил понимал неплохо, так что наехать на Клету даже не пытался. А вот у меня прикрытия или хоть какой-нибудь защиты не было.

Так я и получил предложение, от которого нельзя отказаться. Я лечу людей Рвача и тех, кого он скажет, — лечу быстро, качественно и бесплатно, а они меня не убивают и даже не калечат.

Впрочем, сейчас Клык, раздраженный необходимостью меня искать, забыл про эту договоренность, за что и поплатился. «Приходить в сознание» я отказывался категорично, несмотря на щедро отвешиваемые мне пинки и пощечины. Только пустил небольшую струйку крови изо рта, мягко намекая высланному за мной идиоту, что если он продолжит попытки моей «реанимации» посредством пинков, то банда может лишиться своего единственного целителя.

Кажется, до Клыка стали доходить все возможные последствия его несдержанности. По крайней мере, пинки прекратились, а в изрыгаемых им ругательствах стали проскальзывать панические ноты. Рвач *очень* не любил терять ценное имуще-

ство и людей, приносящих ему деньги. Я проходил по обеим сторонам, и наказание виновнику моей смерти или даже более-менее долгого выхода из строя грозило очень серьезное. Скрытно прибить меня или просто оставить на месте, доложив, что отыскать меня не удалось, Клык тоже не мог. Та самая хозяйка, что совсем недавно вылила на меня ведро помоев, с большим интересом наблюдала за бесплатным представлением с небольшого балкона и, несомненно, с радостью сообщила бы Рвачу обо всех деталях происшествия. Да и других свидетелей хватало, так что о том, что Клык решится прибить меня по-тихому, я не волновался. Только не сейчас, когда он становится последним человеком, что видел меня живым, и, значит, в любом случае должен держать ответ перед Рвачом. Собственно, будь это иначе, я бы не рискнул разгрызать данное представление.

Наконец осознав, что ни удары, ни ругань при всем его желании не способны вернуть меня в дееспособное состояние, Клык, глубоко вздохнув и в очередной раз выругавшись, взвалил меня на плечи. Похоже, я сейчас действительно необходимо, раз отличающийся крайней ленью головорез решил тащить меня столь немалое расстояние, чтобы хоть как-то выполнить распоряжение своего хозяина.

Отлично. Похоже, мне повезло. И с возможностью как следует подгадать Клыку, да и Трехпалый, может быть, без моей помощи наконец-то сдохнет. Причем я за его смерть отвечать не буду. Сам, все сам... А я лежу без сознания. Сила Клыка общеизвестна, собственно, только из-за нее этого идиота в банде и держат, так если я от его удара день-другой буду в полном ауте, никого не удивит. В конце концов, сам Рвач назвал меня Неженкой. Так что я просто соответствую своему новому имени.

Очень, очень хорошо, что этот придурок не смог себя сдерживать при нашей встрече.

— Вот...

Мое тело довольно неаккуратно свалили на землю, отведав прощального пинка. Я только слегка мотнул головой, изображая случайное движение от падения, и выпустил новую порцию крови изо рта. Рубаха Клыка на данный момент вся

была в кровавых потеках, так что даже самой умелой прачке вряд ли удастся ее полностью отстирать. Мелкая пакость, а приятно.

Прокушенная изнутри щека немного ныла — похоже, я слегка перестарался, обеспечивая себя необходимой для представления кровью, но в общем и целом настроение было великолепным. Редко когда мне выдавалась возможность безнаказанно подгадить этим тварям. И я этим шансом собирался воспользоваться на полную катушку.

— Это что? — В голосе Рвача проявилась опасная мягкость.

Пользуясь тем, что собеседникам сейчас явно не до меня, я рискнул чуть приоткрыть глаза. Как я и думал, мы находились в доме Рвача, в комнате, которую он сам называл «приемным залом». Множество обтянутых кожей кушеток вдоль стен, на которых сейчас маялись четверо «солдат» из бригады Трехпалого. Судя по их внешнему виду, они совсем недавно вышли из серьезной драки. Учитывая, что его бригада состояла из двенадцати человек, являясь основой боевых сил Рвача, а здесь и сейчас в относительно целом состоянии присутствовали лишь четверо, досталось им и впрямь неплохо.

Сам Рвач сидел за своим излюбленным столом мореного дуба — монументальным сооружением, поставленным в самом центре комнаты, и с недовольством глядел на сникшего подчиненного.

— Ну я, это...

Клык мялся и жался, с откровенным страхом глядя на невысокого, седоватого и слегка склонного к полноте человека с самой добродушной улыбкой на чуть расплывшемся лице. Именно с такой улыбкой Рвач смотрел на братьев Грачей перед тем, как посадить их на колья из-за незамеченного ими патруля городской стражи во время грабежа портового склада. От патруля удалось отбиться, хотя и с немалыми потерями, а братья Грачи были по приказу Рвача «рассажены по жердочкам».

— Что ты «это»? — Рвач продолжал улыбаться. — Я приказал тебе привести Неженку, не так ли? Неженка мне нужен, чтобы вылечить Трехпалого. Ты это знал? А что принес ты? Мешок с дерьмом?

— Ну... это... Неженку... Он того... не был долго... Потом я его... поучил маленько... А он брык... и вот... того...

Рвач не любил матерщину, и лишенная привычных слов-связок речь Клыка оттого звучала крайне невнятно. Но основной смысл главе самой крупной банды предместий оказался вполне понятен.

— Значит, поучил, говоришь?

Рвач встал с места и направился ко мне. Я прикрыл глаза, старательно подражая неглубокому дыханию бессознательно-го человека, и выпустил изо рта очередную порцию крови.

Последовало долгое молчание. Но наконец Рвач завершил свой осмотр, похоже, полностью поверив моему актерскому искусству.

— Поучил. Отлично. Молодец. Ну что ж, «учитель», — в голосе главаря явственно звучала злая насмешка, — раз Неженка после твоих «уроков» сейчас никого лечить не сможет — ему самому бы выжить, то Трехпалого и добычу будешь лечить ты. Вместо своего «ученика». И если кто-нибудь из них не выживет, ты отправишься в Бездну следом. — В голосе Рвача не было ни угрозы, ни злости. Он просто информировал своего сотрудника о последствиях недостаточного усердия.

«Есть!» Если бы не необходимость изображать почти бездыханное тело, я бы сплясал джигу от радости. Отмяукались, котята. Уж Клык-то налечит... Трехпалому не жить. Ну и Клык за ним следом отправится. Если Рвач обещал кого прибить, то свое слово держал самым неукоснительным образом. Все! Теперь меня хоть каленым железом жгите, а не «очнись», пока Клыку «степную улыбку» на горле ножом не нарисуют!

— Ну что ж... Рябой, Беззубка, проводите «целителя-наставника» к пациентам, — вновь по-доброму улыбнулся Рвач, отчего предчувствующего свою участь Клыка ощутимо передернуло. — Да. И не вздумайте «развлекаться» с добычей. Она мне нужна живой! Слишком много ребят пришлось положить, чтоб захватить эту бешеную бабу! Если она сдохнет, то никто за нее нам платить не будет! Все ясно?

Пара «бойцов», поднявшихся со своих мест, устало кивнула и направилась к выходу, прихватив за локти ошарашенного Клыка.

Судя по небрежно намотанным бинтам и общей потрепанности бандитов, все, о чем они сейчас мечтали, были отдых и помощь лекаря, а никак не «развлечения», так что последнее предупреждение Рвача было явно излишним.

Не успела троица достичь дверей, как была остановлена очередным начальственным рыком:

— Стоять, ублюдки! Эту падаль, — он махнул рукой в мою сторону, — возьмите с собой. Где два пациента, там и три! А может, он еще оклемается, хоть подсказывать вам будет, что делать следует! Тебе, Клык, все ясно? Если хоть кто-то из этих троих сдохнет, ты отправишься следом. А чтобы ты не вздумал удрать, Рябой с Беззубкой за тобой присмотрят.

Быстро прикрыв глаза, я почувствовал, как меня подхватывают на руки и куда-то несут. М-да... Быть пациентом Клыка — не лучшая перспектива. Может, все же «очнуться»? Нет уж. Такой шанс — угробить сразу двоих гадов — упустить просто невозможно. Как-нибудь вытерплю все, что этот недоумок сможет придумать, пока Трехпалый не очокурится. Надеюсь, долго ждать этого счастливого мига он меня не заставит.

Лазарет. Громкое слово, обозначающее небольшую комнату на первом этаже дома Рвача с забранным частой решеткой окном и стоящими в беспорядке широкими деревянными нарами без матрасов. Будучи «штатным целителем» банды, бывать мне здесь доводилось частенько. Причем в роли как лекаря, так и пациента. Периодически, несмотря на все мои старания, кого-то из людей Рвача, получивших особо серьезную рану, мне спасти все же не удавалось. Тогда-то я и попадал сюда как пациент, на более или менее долгий срок, отлеживаясь и приходя в себя после очередного наказания.

Тащивший меня Беззубка на удивление осторожно уложил мое тело на стоящие под окном нары. Голова моя находилась в тени, так что я рискнул вновь чуть приоткрыть глаза и осмотреть обстановку.

Соседние нары занимал Трехпалый. Судя по его внешнему виду, жить этой скотине оставалось максимум сутки. И жизнь эта будет для него весьма нерадостна. Распоротый живот и выглядывающие из раны кишки намекали на это обстоятельство самым недвусмысленным образом. Приложи я даже все

свои старания, спасти выпотрошенного, как праздничный кабанчик, бандита мне вряд ли бы удалось. Так что, глядя на него, я в очередной раз похвалил себя за отличную идею, позволившую мне не только избежать наказания за смерть пациента, но и крупно подставить Клыка. Затем мой взгляд скользнул дальше.

Перевязанная как тюк, жестоко избитая девушка лет двадцати — двадцати трех. Черные волосы, рост чуть выше среднего, крепкие мышцы опытного бойца. Из серьезных ран — распоротое бедро и глубокий разрез вдоль ребер. Повязки наложены кое-как, так что раны продолжают кровоточить. По крайней мере, это то, что я могу рассмотреть со своего места. При условии, что это все имеющиеся повреждения, и если бы я занялся ею в течение ближайших двух часов, вылечить девушку было бы несложно. Вот только делать этого я не буду. Не знаю, какие на нее у Рвача планы, но сомневаюсь, что ее они порадуют. Иногда лучше позволить пациенту умереть... Лучше для него самого. Особенно если пациент — молодая женщина, девушка или девочка. Эту истину за время своего общения с бандой Рвача я успел неплохо уяснить. Да и подставляться под наказание за смерть Трехпалого, спасая при этом Клыка, мне совершенно не хотелось. Так что — без сознания я, без сознания. Простите меня, леди, кем бы вы ни были...

Приняв такое решение, я совсем было собрался погрузиться в медитацию для наиболее достоверного изображения полутрупа — а что поделать, Трехпалый будет помирать еще часов шесть минимум. Просто так валяться все это время достаточно сложно, а в медитации время летит быстро и главное — сохраняется полная видимость бессознательного состояния. Но тут неожиданное происшествие заставило меня резко поменять свои планы.

Нет, ничего сверхъестественного. Просто избитая пленница немного не вовремя или, как раз наоборот, очень вовремя для нее очнулась. С тяжелым, каким-то утробным стоном она дернулась от боли, ее голова немного повернулась так, что я увидел лицо жертвы. Обычное в общем-то лицо... высокие скулы, немного курносый нос, четкая линия бровей, чуть узковатые губы. Не красавица, но могла бы быть очень симпа-

тичной, не будь она столь сильно избита. Но дело было не в этом.

Я знал это лицо. Точнее, я знал девочку, которая, доживи она до возраста пленницы, могла бы выглядеть точно так же. И позволить погибнуть той, что выглядела чуть повзрослевшей копией Тальки, я просто не мог. Точно так же, как не мог оставить ее в лапах Рвача и его поделльников. А значит, план следовало менять. Менять немедленно, пока у меня были хоть какие-то шансы спасти эту незнакомую мне девушку. Я был обязан это сделать. Хотя бы в память о Тальке, спасти которую мне не удалось.

Талька. Талия дель Оромо. Дочь дворянина из какой-то далекой страны, в раннем детстве украденная работорговцами, затем, как подросток, бежавшая от хозяина и прижившаяся здесь, в трущобах Лаоры. Подробно о своем прошлом, кроме этого короткого рассказа, здорово отдающего детской фантазией, она говорить не хотела, и я не расспрашивал ее, получая в ответ такую же деликатность.

Человек, встретивший меня, когда я без денег, надежд и желания жить пришел в этот город. Человек, выдернувший меня из моего горя, показавший, что жить можно и здесь. Научивший не унывать и не сдаваться, обнаруживший среди той кучи лежащих в моей голове бесполезной грудой знаний, именуемых «классическим образованием», единственно полезные здесь жемчужины начатков целительства и помогший использовать их для моего выживания.

Она была старше меня на пару лет, так что сейчас ей исполнилось бы шестнадцать.

Талька погибла год и три месяца назад. Путь пошедшей за водой девочки пересекся с дорогой скучающих и жаждущих развлечения бойцов банды Холодного. Я узнал об этом слишком поздно, да и что бы я смог сделать?

Правильному бою меня обучить не успели: на тот момент, когда мое обучение прервали войска Атари, мечи и шпаги оставались все еще слишком тяжелыми для моей детской руки. А в бою на ножах любой из этих ублюдков значительно превосходил меня. Есть вещи, постоянная практика в которых значит намного больше, чем самое полное и качественное тео-

ретическое образование. Впрочем, будь я тогда рядом, все эти соображения меня бы не остановили.

Когда я нашел ее, было уже слишком поздно и моих скромных познаний в целительстве оказалось недостаточно, чтобы спасти пятнадцатилетнюю девочку после развлечений двадцати ублюдков банды Холодного. Все, что я смог, — убрать боль и память. «Настой Забвения» позволил Тальке уйти без мучений. А Холодный на целых десять дней потеснил великого герцога Атари с первого места в моем списке мести.

Пять дней я потратил на то, чтобы сварить «Поцелуй Хаоса». Мой дядя, обучавший меня алхимии, мог бы гордиться своим учеником. Яд был сварен идеально.

Еще три дня я искал способ проникнуть в винный погреб «Пьяного быка» — трактира, в котором Холодный со своими бойцами любил проводить свободное время. Ничего сложного — подавальщики там менялись достаточно часто, поскольку пьяные бандиты были весьма неумеренны в своих развлечениях. Потом я просто ждал и наблюдал.

«Поцелуй Хаоса». Порождение жестокой фантазии кого-то из моих предков. Прозрачно-розовая жидкость без вкуса и запаха. Противоядия есть... но они малоизвестны. Точнее, надеюсь, что и вовсе неизвестны за пределами нашего рода, от которого на данный момент остался только я.

В бреду, проклиная своих мучителей, Талька желала им быть разорванными на части, и я выполнил ее желание. «Поцелуй Хаоса» вызывает быстрый, очень быстрый рост костей тела, так что отравленные этим зельем буквально разрываются своим собственным скелетом. Долгая и очень мучительная смерть.

Холодный был живуч. Очень живуч. Он умирал почти трое суток, и к тому времени, когда вся его банда уже превратилась в куски окровавленного мяса с торчащими из них обломками костей, он все еще был жив и даже в сознании. Прокравшись в их логово, я сполна насладился зрелищем его мучений и успел шепнуть ему имя той, в честь кого я забрал их жизни. Надеюсь, душа Тальки, где бы она ни была, сумеет достойно распорядиться доставшимися ей рабами.

Но вернуть мне подругу месть не могла. Вскоре на освобожденное Холодным место пришла банда Рвача, тем самым

окончательно установив свое лидирующее положение в Нижнем городе. Меня в произошедшем, к счастью, никто не заподозрил. К тому же я распустил слухи, что так на бандитов подействовало предсмертное проклятие моей подруги.

Сомнений это не вызвало: ее крики и пожелания страшной кары насильникам слышали многие, а вид тел явно свидетельствовал в пользу моей версии. Жители трущоб очень суеверны, а людей, знающих, что такое «Поцелуй Хаоса» и как он действует, среди них не нашлось. Слухи оказались полезны и в другом. Жуткая смерть банды Холодного от проклятия их жертвы изрядно охлаждала горячие головы пришедших на их место бандитов, и число пропадающих без вести женщин резко упало. Если сбьлись проклятия одной девочки, то всегда есть риск, что исполнятся проклятия и других, не так ли?

Вот только, несмотря на свершившееся отмщение, моя душа продолжала болеть. Она болела все это время, весь год и три месяца, что я прожил без моей подруги, без ее веселой улыбки и хитро прищуренных глаз. Эта рана не зарастала. И сейчас я просто не мог позволить этой незнакомке умереть. Незнакомке, так похожей на мою Тальку!

Принять решение об изменении уже сложившегося и осуществляемого плана действий несложно. Гораздо труднее придумать реалистичный план взамен отвергнутого.

«Метнуть скрытый на бедре нож в шею Клыку. Иглу с ядом из духовой трубки — в Рябого. Ударом ребра ладони перебить трахею стоящему рядом Беззубке. Затем взять их оружие и зачистить весь особняк. Нападения изнутри, тем более от подростка, они не ожидают, так что будет несложно...»

Возникшие в голове мысли были настолько глупыми, настолько чуждыми мне, что я даже на мгновение растерялся. Нож — в шею Клыка? Та ржавая железяка, что я таскал под своими тряпками, и ножом-то может называться лишь с очень большой натяжкой, а уж метать ее... большей глупости и не вообразить.

Духовая трубка с отравленной стрелкой-иглой — это да. Ношу с собой небольшой сарбакан, на крайний случай. Яд медянки действует практически мгновенно, и эта небольшая трубочка уже не раз спасала мне жизнь. Ох и натерпелся я

страху, когда встретился с этой небольшой, но смертельно опасной змейкой! Но оно того стоило. Однако сарбакан годится только против одного человека...

А уж о том, чтобы перебить шею Беззубки ударом ребра ладони... это такой идиотизм, что и говорить нечего. Уж больно неравны силы. Этот боров моего удара и не почувствует, наверное, а вот мне одного его щелчка хватит, чтобы отправиться на прием к властителям Бездны. Интересно, эти глупости мне лезут в голову от удара или я и впрямь чем-то не тем в развалинах надыхался? Нет уж, я не имперский паладин, чтоб в три удара трех бандитов складывать. Будем действовать привычными, надежными методами.

Я громко застонал, выматерился и открыл глаза, словно приходя в себя.

— Эй, ты как? — почуявший шанс спасти свою шкуру, Клык немедленно подскочил ко мне, всем своим видом изображая заботливость и готовность помочь.

Я потер разбитый затылок, слез с нар и, затравленно озираясь, глядя со страхом на подошедшего бандита, начал отступать по заранее продуманной траектории, одновременно высказывая Клыку все, что я о нем думаю, от кого он происходит, каковы его любовные увлечения и предпочтения в еде, отдыхе и выпивке.

Уже на второй минуте моей речи Клык с совершенно озверевшим лицом попытался перевести беседу в драку, однако искренне заинтересовавшийся подробностями сексуальной жизни своего напарника Рябой немедленно заблокировал этот порыв.

Наконец я выдохся. Благо и момент для этого был самый подходящий. Я стоял ровно на том месте, где и должен был находиться для успеха задуманного мной представления.

Эх, как давно мне хотелось рассказать Клыку всю правду о его родословной, и вот он, счастливый миг, когда я наконец-то смог это сделать без риска для собственного здоровья. Как же хорошо-то, а!

О! А это еще лучше! Беззубка, как же ты вовремя-то! И какой вопрос хороший! Просто грех не ответить!

— Неженка, а ом-осьминог пятипупырчатый, это штозь за тварина-то, а? — со своим вечным краинским акцентом неве-

роятно вовремя для моего плана поинтересовался Беззубка, с искренним интересом разглядывая Клыка.

Взмахом руки подозвав краинца поближе, я громким шепотом (так, чтобы все интересующиеся могли расслышать) сообщил ему запрошенные сведения по биологии обитателей Злых Земель.

— От жеж... А как тады Клык-то с ним это? — Похоже, Беззубка то ли искренне поверил в мой рассказ, что, в общем-то, маловероятно, так как особой наивностью хитрющий краинец никогда не отличался, либо по какой-то своей причине решил подыграть в моем представлении.

— Да это не Клык с ним, а он с Клыком... Ну, сам понимаешь...

Похоже, на этот раз я попал по действительно больному месту. Клык рванулся ко мне с особой яростью, совершенно позабыв про обещанные ему Рвачом последствия гибели кого-либо из троицы «пациентов», в которую входил и я. И на этот раз Рябому не удалось удержать совершенно озверевшего от злобы бандита.

Дальше все было очень быстро. В самый последний момент я «от страха» падаю в ноги несущемуся на меня Клыку и, получив сильный удар по ребрам, откатываюсь к нарам, на которых лежит пленница. А споткнувшийся о мое тело Клык падает точно на забытого всеми Трехпалого, утыкаясь рожей прямо в распоротое брюхо бандита.

Длинный вопль невыносимой боли вылетает изо рта раненого, на котором в этот момент сосредоточивается все внимание присутствующих в «госпитале» людей. А в следующее мгновение небольшая отравленная игла, вылетевшая из моего сарбакана, прерывает мучения пострадавшего. Встает Клык уже с окончательно мертвого тела. Как я и рассчитывал, и сам выстрел, и вонзившаяся в подмышку раненого игла остались совершенно незамеченными всеми присутствующими.

Убрав свое оружие и изображая полное недоумение, я неловко поднимаюсь на ноги и осторожно интересуюсь у вытирающего кровь и дерьмо с рожи Клыка:

— Слушай, я, конечно, понимаю, что ты меня сильно не любишь... но Трехпалого-то ты зачем убил? Его подлечить маленько, и вполне мог бы еще Рвачу послужить...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Плебеи вольного города	9
<i>Глава 2.</i> Видения древнего замка	50
<i>Глава 3.</i> Лекарь и пациенты	83
<i>Глава 4.</i> Отступление не есть бегство	134
<i>Глава 5.</i> Морские дали	151
<i>Глава 6.</i> Остров	157
<i>Глава 7.</i> Княжество Реис. Прибытие	179
<i>Глава 8.</i> Вернуть имя!	187
<i>Глава 9.</i> Богиня-покровительница	202
<i>Глава 10.</i> Интриги и яды	214
<i>Глава 11.</i> Садовая неудачница	228
<i>Глава 12.</i> Оригинальный прием	244
<i>Эпилог</i>	266